

УДК 811.161.1'373.21 +
+ 811.161.1'282.2 (470.34) +39 (161.1)

Е. Д. Казакова

ВЯТКА И ВЯТЧАНЕ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ*

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык, топонимия, катойконимия, диалектная лексикология, оттопонимическая номинация, культурные коннотации топонима, языковой образ региона.

В статье осуществляется реконструкция образа Вятки и ее жителей по данным лексики (нарицательной и проприальной) русских народных говоров и общенародного языка. К анализу привлекаются дериваты топонима *Вятка*, устойчивые и свободные текстовые сочетания с участием производных от топонима и соответствующего катойконима. Кроме того, рассматриваются дериваты от топонимов *Хлынов* и *Киров* — первоначального и современного названия столицы региона. Значимой для реконструкции образа оказывается точка зрения субъекта номинации — внутренняя (позиция жителей Вятки), внешняя (позиция жителей соседних территорий), надтерриториальная (позиция жителей России в целом). При этом наиболее полно и ярко в образе Вятки проявлена точка зрения территориальных соседей. Доминанта языкового образа Вятки — представления о жителях региона, *вятчанах*, о чертах их внешности, характера, языка.

В настоящей статье осуществляется попытка реконструкции образа Вятки и ее жителей по данным лексики (нарицательной и проприальной) и фразеоло-

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

© Казакова Е. Д., 2011

гии русских народных говоров и общенародного языка. Кроме того, к анализу будут привлекаться некоторые устойчивые и свободные текстовые образования, подтверждающие или дополняющие информацию, извлекаемую из единиц языковой системы.

Реконструируемый языковой образ региона имеет сложную структуру. Ядро его составляют семантико-словообразовательные дериваты макротопонима *Вятка*: нарицательные лексемы (*вятка* ‘коса-горбуша’), антропонимы (*вятские* ‘прозвище жителей с. Никитино Мантуровского р-на Костромской обл.’) и фразеологизмы, включающие производные от топонима (*кедра вятская* ‘о глупом человеке’, *на глазок по-вятски* ‘неаккуратно, небрежно’). В приядерную зону попадают текстовые клише: поговорки, пословицы и присловья («Вятка — хлебу matka», «Вятские — ребята хватские»), устойчивые сочетания, встречающиеся в фольклорных текстах (*ветчанёнок белоглазый, ветчанёнок желтопузый* — обозначения вятчан в частушках), и др. На периферии языкового образа Вятки оказываются свободные текстовые сочетания: контексты из художественной литературы, публицистики и бытовой речи¹, а также диалектные тексты — высказывания соседей вятчан, жителей смежных с Вяткой территорий («Мужики, дескать, на Вятке, не как наши — наши ленивее ли чего ли, а там — работяги, умельцы»). Тексты такого рода используются в статье для иллюстрации и уточнения мотивов, выделенных на основании лексических данных.

В круг изучаемых фактов включаются также слова, в значение которых входит локативная сема ‘Вятка’: в первую очередь речь идет о коллективных прозвищах, обозначающих вятчан (*гужееды, клянчи*). Привлечение подобных фактов кажется необходимым в силу того, что именно «языковые знания» о жителях Вятки составляют в сущности смысловое ядро образа самого региона (в дальнейшем мы постараемся это показать).

Следует отметить, что реконструкцию образа Вятки несколько осложняет тот факт, что данный топоним может обозначать несколько пространственно соотносящихся объектов. Под *Вяткой* подразумевается как название самого региона (*Вятский край, Вятская губерния, Кировская область*), так и наименование его столицы (в 1781–1934 гг.), а также имя реки, протекающей на территории данного региона. Соответственно, *вятчанами* (*вятскими, вятичами*) могут быть названы и жители всего региона, и жители столицы, и жители бассейна Вятки. В некоторых случаях производящий топоним (и стоящий за ним географический термин — административная область, город, река) определяется с опорой на предполагаемую мотивировку производного слова (например, *вятка* ‘порода лошадей, выведенная в пределах Вятской губернии’), однако такая реконструкция возможна не всегда.

¹ Фрагменты бесед на интернет-форумах, посвященных Вятке.

Вторая проблема, с которой мы сталкиваемся при восстановлении целостного образа данного региона, связана с переименованиями. В 1934 г. столица Вятской губернии, город *Вятка*, переименована в *Киров* (это название существует по настоящее время), а Вятская губерния со временем становится Кировской областью. При этом в народном языковом сознании образ Вятки разработан намного подробнее, нежели образ Кирова и Кировской области², дериваты от топонима *Киров* нам не встречались. В статье будут рассматриваться также производные от имени *Хлынов* (*хлыновские воры* ‘жители Вятской губернии’), старого наименования столицы региона (1457–1781 гг.), причем образ Хлынова оказывается весьма специфичным и отличным от образа Вятки.

К анализу будут привлекаться данные русских народных говоров, литературного языка, а также отдельные факты других языков (славянских — польского и словенского, и неславянских — английского). При этом количественно и качественно преобладают русские диалектные данные. Значительный массив диалектного материала, приведенного в статье, извлечен из лексической картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета [ЛКТЭ], а также антропонимической картотеки [АКТЭ] и картотеки этнографических материалов [ЭКТЭ] той же экспедиции. Сбор этих данных велся целенаправленно в 2009 и 2011 гг. на территориях, граничащих с Кировской областью с севера и северо-запада, — в Павинском, Октябрьском и Вохомском районах Костромской области.

Отбор материала осуществлялся с целью выявления того, какие черты языкового образа Вятки значимы для самих вятчан (по лексике вятских говоров), какие — для жителей соседних территорий (по костромским и пермским говорам) или регионов, где проживают многочисленные переселенцы с Вятки (по новосибирским и томским говорам), и, наконец, какие представления о Вятке являются широко известными и общепризнанными (по лексике русского литературного языка и других языков). Соответственно, образ Вятки меняется (тематикой, акцентами, степенью проработанности) в зависимости от смены точки зрения номинатора³. Можно выделять: 1) «внутренний» образ Вятки и ее жителей — позиция «свой против своих»⁴; 2) «внешний», «соседский» образ Вятки и вятчан — позиция «свой против чужих»; 3) надтерриториальный (главным образом общерусский) образ Вятки — отсутствие оппозиции. В ходе исследования

² Несколько лет назад поднимался вопрос о возвращении Кирову исторического названия *Вятка*, однако предложение не было одобрено. При этом сами жители региона часто называют себя *вятскими*, а регион *Вяткой*, ср., например, название интернет-портала «Наша Вятка».

³ Аналогичным образом, с учетом смены точек зрения, производится описание образа Сибири [см.: Березович, Кривошапова, 2011].

⁴ Жители различных частей региона противопоставляют себя друг другу. Настоящими *вятчанами* считаются только жители западной части Вятки, за счет чего создается внутренняя оппозиция *вятчан* и *не-вятчан*.

мы постараемся учитывать возможные модификации образа региона при смене точки зрения⁵.

Подача материала будет осуществляться по тематическим рубрикам: «География Вятки»; «Флора и фауна»; «Этнический и социальный состав населения»; «Религия»; «Черты характера и особенности поведения жителей Вятки»; «Внешний облик жителей Вятки»; «Язык Вятки»; «Материальная и духовная культура».

География Вятки

При помещении Вятки в сетку географических ориентиров языковое сознание осмысляет ее как своеобразный эталон периферии, глушь, «первый предел» России. Другим «пределом» является, к примеру, Сибирь, которая вообще в ряде случаев противопоставляется в языке России и русскому [см.: Березович, Кривошапова, 2011]. Вятка, в отличие от Сибири, — это еще Россия, но глубокая провинция, расположенная где-то неопределенно далеко: «Бабка от бабки, как от Москвы до Вятки» [Зеленин, 1994б, 97]. Вятка предстает как захолустный, глухой край и в художественной литературе: «Ох, уйду я куда-нибудь в монастырь, в какой-нибудь *самый глухой, вологодский, вятский!*» (Бунин) [НКРЯ]. Соответственно, чтобы добраться в такую даль, требуются деньги («Идти бы на Вятку, да в кармане гладко» [Снегирев, 1848, 159]) и хорошая обувь («Идти бы(ло) на Вятку, да лаптей нет» [Там же]).

В роли центра, столицы по отношению к периферийной Вятке может выступать не только Москва, но и Великий Новгород: «Пермь и Вятка — пригороды господина Великого Новгорода» [Даль, 3, 409]. Указание на Новгород, по-видимому, обусловлено историческими факторами: по преданиям, Новгород является родиной русских основателей Вятки (предки вятчан — новгородцы-ушкуйники, ушедшие в леса и основавшие у берегов р. Вятка город Хлынов).

Флора и фауна

Среди представителей животного и растительного мира *вятскими*, характеризующими специфику региона (и отмеченными языковым сознанием), являются исключительно полезные в хозяйственном отношении культурные растения и домашние животные. Из р а с т е н и й выделяются злаки — рожь и овес, ср.

⁵ В частности, смена точки зрения может существенно менять денотативные границы наименований *вятчане* и *вятское*: если в литературной традиции к *вятчанам* относятся только жители Кировской области или Кирова, а *вятским* считается то, что сделано, выращено и т. д. в Кировской области, то для соседей вятчан важен в первую очередь образ *вятчан-переселенцев*, а не реальных жителей региона. Для самих жителей Вятки *вятчане* — население отдельных районов Кировской области.

новосиб. *вятка* ‘сорт ржи’ [СРГНО, 88]; костр. ‘то же’: «Росло все, а пуще всего жито-рожь “вятка” да отменный лен» [ЛКТЭ]; ‘название сорта озимой ржи’: «Для районов с большим снеговым покровом принять к размножению сорт озимой ржи “вятка” и местные высокоурожайные сорта» [ССРЛЯ, 2, 1355]. *Вятский овес* оказывается известным за границей⁶ — например в Польше, ср. *owies wiatski* [Dziennik Łódzki]. Богатство вятских земель зерновыми отражено в паремии: «Вятка — хлебу matka» [Зеленин, 1994б, 79], вят. «В Вятке — калачи по пятке, в Орлове — по корове, а в Котельнице — по мельнице» [ИВК, 255]. Вследствие этого «Вятка — всему богатству matka» [Даль, 2, 307].

Народные языковые представления о животном мире Вятки также являются «хозяйственно направленными». В языке закреплены наименования выведенной на Вятке породы рогатого скота, ср. арх. *вятская порода* [АОС, 9, 17]; породы свиней, ср. «В Никольском уезде Вологодской губернии под именем *вятских свиней* известна лучшая порода этих животных: крупная, с висячими ушами» [Зеленин, 1994б, 79]. Мировую известность получила порода лошадей (крепких, выносливых, хороших в работе, хоть и низкорослых), ср. литер. *вятка*, *вятская лошадь* ‘лошадь вятской породы, малорослая, но плотная, широкогрудая (выведенная в пределах Вятской губернии, XVIII в.)’: «У нас у всякого кучера с фореитором были шестерики и все разных сортов: *вятки*, *казанки*, *калмыки*, *битюгские*, *донские*, — все это были из приведенных коней, которые по ярмаркам покупались» (Лесков); «На дороге попалась мне тележка, запряженная парой лихих, до самых ушей забрызганных *вятков*» (Тургенев) [ССРЛЯ, 2, 1355]; новосиб. «Вятка в беге хватка — бежит, так ровно яичко катится» [СРГНО, 88]. Ср. также словен. *viatsky kôň* [Slovník.sk], польск. *koń wiatski* [Konie i My], англ. *Vyatsky breed*: «The Vyatsky breed is one of the most interesting one in the history of the Russian horse-breeding» «Вятская порода — одна из наиболее интересных в истории российского коневодства» [Filatelia Filipinas].

Вятские животные и растения оцениваются высоко: *вятские* злаки — высокоурожайны и морозоустойчивы (в силу почти «сибирского» климата), *вятские свиньи* — крупные, откормленные, выращиваемые в богатом хозяйстве, *вятские лошади* — крепкие и выносливые, способные к тяжелой работе на полях.

Этнический и социальный состав населения

К моменту освоения Вятки русскими эти земли были заселены пермскими племенами (предками удмуртов и коми); в XII в., по летописному преданию «Сказание о вятчанех», началось освоение вятских территорий новгородцами-ушкуйниками, и в последующие три века население региона включало в себя

⁶ Именно на Вятке впервые стали налаживаться торговые контакты России и США по продаже зерна.

русских, проживающих в небольших городах, и финно-угров (марийцев, коми-пермяков), населявших посады и села. Регион долгое время был свободным; еще в XV в. на Вятке было самоуправление с выборными воеводами, атаманами и подвойскими. Вечевой уклад просуществовал там вплоть до присоединения этих земель к Москве (в 1489 г.). Представления о свободолюбии и независимости вятчан (вят. «В Вятке — свои порядки» [ИВК, 255]), как думается, в известной мере влияют на формирование образа Вятки (скорее не собственно *Вятки*, а *Хлынова*) как «города воров, плутов», а *вятчан*, *хлыновцев* — как хитрецов и обманщиков, ср. вят. *вятские баламуты* ‘прозвище жителей Вятской губернии’ [ИВК, 254], *хлыновские бояре* ‘то же’: «В народе говорили *хлыновские бояре*, что было равносильно с выражением *хлыновские воры*» [Зеленин, 1994б, 98]. Подобные мотивы отражены и в поговорках: «Хлыновцы корову в сапоги обули (краденую, чтобы следу не было)» [ПРН, 1, 298]; «Вятчане на руку нечисты: вчера с нами ночевали, онучку украли» [Зеленин, 1994б, 98]. Безусловно, важную роль в формировании данных представлений играет само название города — Хлынов⁷; в народном сознании, по-видимому, происходит проявление внутренней формы топонима (если верна этимология М. Фасмера) или вторичная аттракция названия города к лексемам с корнем *хлын-* с семантикой плутовства, мошенничества: сарат. *хлы́нить* ‘мошенничать, плутовать’, нижегор., вят. *хлын* ‘туняедец, мошенник, вор, обманщик в купле и продаже, барышник, кулак’, симб. *хлы́нец* ‘бродяга’, *хлын взял* ‘пропало, потеряно, украдено, растрчено’ [Даль, 4, 551], твер. *охлы́нник*, *охлы́нник* ‘хлыновец, плут, мошенник, промышляющий обманом, обвесом, обмером’⁸ [Даль, 2, 772].

Плутовство хлыновцев может связываться в народном сознании с бедностью Вятского края. Вятчане, как отмечают их соседи-вохмяки (жителей бассейна р. Вохма в Костромской области), жили небогато и за хлебом вынуждены были ходить на Вохму: «Соловецкие вятчанёнки ходили нищие, тут нищих много было. Ходили — всё из Соловецкого, из Сивцево, из Ратчины. Раньше говорили: у них изба нищая, не запирается» [ЭКТЭ]. Вохмяки вообще относятся к вятчанам весьма пренебрежительно, считают их простолюдинами, насмеваются над ними: «Вятские отличались от вохмячей по манерам. На Вятке все были простоватые, а здесь все более культурные. Вятские жили хуже, здесь же — зажиточ-

⁷ М. Фасмер приводит название *Хлынов* в словарной статье на нижегор., вятск., казанск. *хлын* ‘бездельник, мошенник, барышник’ в одном ряду со смол. *хлы́нец* ‘бродяга’, онежск. *хлы́нда* ‘бродяга’, череповецк. *хлы́новец* ‘плут’, олонекк. *хлы́ни* ‘безделье’, влг. *хлы́нить* ‘вяло, лениво идти, ехать’ [Фасмер, 4, 247], предполагая, таким образом, производность названия города от *хлын* ‘хитрец, ловкач’.

⁸ Ср. контекстное употребление в художественной литературе: «Что? — раздалось в сдвинувшейся толпе. — Братцы! — прохрипел старик, — он мошенник, *хлыновец окаянный!* Почитай что вот с самого утра прикидывается у меня к кушаку; торгует, торгует, а, словно на смех, ничего не покупает... Ах ты, в стеклянной-те разбей! Ах ты!» (Григорович) [НКРЯ].

ный край. Ездили с Вятки сюда за хлебом. Вятские относились к вохмячам недоброжелательно, потому что их унижали, смеялись над ними» [ЭКТЭ]. Возможно, в связи с подобными представлениями образ нищего появляется и в выражении *петь ровно вятский нишкой* [Зеленин, 1994б, 83]. Мотив бедности вятчан сочетается с противоположным мотивом — богатства Вятского края, о котором говорилось выше (ср. «Вятка — всему богатству matka»).

С XV в., времени активных контактов с Казанским ханством (вплоть до периодической зависимости Вятки от Казани), на Вятской земле появляются отдельные анклавы татар и вотяков. Постоянно поддерживаются контакты Вятки с Пермским краем — восток региона заселен коми-пермяками. Таким образом, постепенно формируется сложный состав населения региона, сохраняющийся и в настоящее время, что отражается, в частности, в прозвищах (этнических кличках), которые представители разных этносов, населяющих Вятку (русские, татары, марийцы, чуваша), дают друг другу: вят. «Марийцев русские звали *березняками*. Они в белых одеждах ходят. А марийцы русских *сосняки*»; «Русские — *чурки твердолобые*, чуваша — *мыши* (они какие-то серые, забытые, их не видеть)»; «Татары — *чеплашки*⁹, а марийцы — *тюряки*¹⁰» [ИВК, 255].

В языке отражены особенности внутрорегионального деления территории, а также несовпадение современных и исторических границ Вятского региона. Это можно пронаблюдать, в частности, анализируя развитие семантики слов *Вятка* и *вятчане*.

Подвижность семантики термина *вятчане*¹¹ обусловлена как объективными историко-географическими причинами (смещение границ административно-территориального деления), так и субъективными прагматическими (изменение точки зрения номинатора). Попробуем, опираясь на этнографические данные, а также на сведения, извлеченные из диалектных текстов, которые записаны от жителей смежных территорий¹², представить градацию значений слова *вятчане*.

1. В основном (общерусском) значении *вятчане* — наименование жителей Вятской губернии и города Вятка¹³.

⁹ Ср. влг. *чеплашка* 'волосник под платок на голову' [Даль, 4, 451].

¹⁰ Ср. влг. *тюрик* 'головная девичья повязка колпаком' [Даль, 4, 589], костр. *тюрик* 'головной убор из бересты' [ЛКТЭ]. Оппозиция отражает особенности традиционных головных уборов народов.

¹¹ Далее речь будет идти в основном о наименовании жителей (*вятчане*), так как именно его семантика оказывается крайне подвижной, а сдвиг семантики наименования региона (*Вятка*), скорее, вторичен по отношению к наименованиям жителей (территория, где живут *вятчане*).

¹² Данные ЛКТЭ из Павинского, Октябрьского и Вохомского районов Костромской области, примыкающих к Кировской области с северо-запада.

¹³ В диалектах функционируют также фонетические варианты и словообразовательные производные катойконима в общерусском значении, ср. перм. *ветчануха* 'жительница города Вятка' [СРНГ, 4, 206].

2. В зависимости от позиции наблюдателя «география» *вятчан* может сужаться (позиция внутреннего наблюдателя) или расширяться (позиция внешнего наблюдателя-«соседа»). Это отражается в диалектных значениях катойконима.

Позиция внутреннего наблюдателя мотивирует максимально узкое значение, определяет своеобразное «сужение» вятских границ. *Вятчанами* считаются только жители западной части Вятской губернии, а именно Вятского, Орловского, Котельничского, Нолинского и Слободского уездов, за всю историю Вятки практически ни разу не менявших административную принадлежность¹⁴. Таким образом, «абсолютно вятской» оказывается лишь половина русского населения Вятки. Жители же левого берега р. Вятка (Сарапульского, Елабужского, Малмыжского уездов) и бассейна р. Лобань¹⁵ вообще не считают себя вятчанами [Зеленин, 1994б, 65].

Позиция внешнего наблюдателя - «соседа» отражена в целом ряде значений слова *вятчане*.

- Наименование жителей регионов, ранее входивших в состав Вятской губернии или Вятского края (границы не совсем совпадают с границами современной Кировской области). К примеру, название *Вятка* получают граничащие с Кировской областью костромские сельсоветы, ранее бывшие вятскими, ср. костр. *Вятка* 'территория Кировской области и сопредельные зоны, входившие ранее в ее состав': «*Вятчануха* — а на Вятке жила. Мосинский сельсовет, Береснятский — всё до Кировской области, всё Вяткой зовётся» [ЛКТЭ]¹⁶. Таким образом, происходит своеобразное «расширение» границ Вятки.

Заметим, что население таких пограничных территорий ощущает свое «промежуточное положение», что может особым образом отражаться в языке. К примеру, жители Соловецкого сельсовета, ныне входящего в Октябрьский район Костромской области, а ранее бывшего вятским, знают, что их называют *ветчанёнками* (якобы за то, что они говорят не так, как в районном центре, с. Боговарово), и, противопоставляя себя «настоящим» вятчанам (жителям Кировской области), называют последних *кировцами*: «Это уже туда, к *кировцам*, ну, к Ки-

¹⁴ Изначально они являлись центром Вятской земли, после присоединения ее к Московскому княжеству попали в состав Вятской провинции Сибирской губернии. Далее, после административной реформы Екатерины II, к землям Вятской провинции были присоединены южные земли Казанской провинции и сформировано Вятское наместничество, впоследствии, в 1796 г., переформированное в Вятскую губернию. И наконец, после пятилетнего перерыва, когда Вятская губерния была расформирована и целиком вошла в Нижегородскую область (с 1929 по 1934 г.), земли юго-западной части бывшей Вятской губернии выделяются из Горьковского края в Кировский край, а затем и в Кировскую область.

¹⁵ Здесь, думается, имеет значение также принадлежность к бассейну другой реки (наименование жителей не «подкрепляется» их локализацией, как это происходит в случае с жителями бассейна р. Вятка).

¹⁶ Территории Мосинского, Береснятского и Соловецкого сельсоветов ранее входили в состав Кировской области.

ровской области»; «Мы *ветчаненки*, а они *кировцы*, жители Кировской области» [ЛКТЭ]. Противопоставление вятчан и кировцев отмечают и «внешние наблюдатели» — в частности, жители Власовского сельсовета (который находится на юге Октябрьского района, далеко от кировской границы), ср. «Кировская область отдельно, а ветчанята у нас, в нашем районе» [ЭКТЭ].

При этом, однако, *вятчанами* не становятся жители Луптюжского сельсовета Октябрьского района Костромской области, расположенного на самой границе с Вяткой и некогда входившего в состав Кировской области¹⁷, ср. «В Лебедях ветчанёнки, а у нас в Луптюге вохмяки» [ЭКТЭ]. Луптюг по различным параметрам оказывается противопоставленным как Вятке, так и другим сельсоветам Октябрьского района, ср. «В Луптюге *што*, на Вятке *счо-то*, а у нас *штё*» [Там же]. Сами же жители Луптюга считают себя «смесью» вохмяков и вятчан, ср. «У нас в Луптюге наполовину — и вохмяки, и ветчанёнки. Настоящие ветчанёнки в Лебедях, в Соловецком, в Ильинском. У их разговор быстрее, чем у вохмяков» [Там же].

• Наименование жителей территорий, расположенных относительно номинатора со стороны Кировской области. В этом случае вятские границы расширяются дальше, чем в предыдущем случае. В сущности, у номинатора исчезает ориентация на реальные границы Вятского региона, они становятся только географическим ориентиром, обозначающим определенное направление. Так, например, жители Павинского района Костромской области *вятчанами* (*ветчанятами*) считают тех, кто живет восточнее и южнее райцентра — с. Павино, ср. «В Медведице *южаки* <жители бассейна р. Юг>, а мы-то *ветчанёнки*»¹⁸ [ЛКТЭ]; «*Ветчанята* в Боговарове, на Ветлуге да. *Вочаги* <жители бассейна р. Вочь> — *водохлёбы*, *ветчанята* — *водоквасы*» [Там же]. Названия такого типа «не имеют четко закрепленной “адресности” и в известном смысле дейкитчны» [Воронцова, 2002, 7]. При изменении местоположения наблюдателя *вятчанами* становится иной объект номинации. Административные границы районов здесь нерелевантны, а значимость имеют границы условно-географические, «проведенные» по рекам (Югу, Вочи и Вятке), но при этом границы бассейна условны.

Специфическое смещение «вятских границ» можно наблюдать также в Вохомском и Октябрьском районах Костромской области. Жители Октябрьского района считают *вятскими* территории самых восточных (пограничных с Кировской

¹⁷ Очевидно, Луптюг находился в составе Кировской области в течение относительно короткого промежутка времени.

¹⁸ Статус *ветчанят* меняется в зависимости от точки зрения и логики противопоставления этого катойконима другим. Так, если рассматривать оппозицию *южаков* и *ветчанят*, последними оказываются жители восточной части Павинского района, расположенной ближе к Кировской области (Петропавловского сельсовета). Однако в противопоставление собственно Вятке и более близким к ней территориям сами жители Петропавловского сельсовета не считают себя *ветчанёнками*.

областью) сельсоветов района, ср. «Здесь на Вятке вятчанёнки все не по-нашему говорят, туды к Соловецкому, ко Старикову Вятка» [ЛКТЭ]. Для жителей же Вохомского района, расположенного западнее, *вятчанёнками* становятся уже собственно жители Октябрьского района, которых они называют *вятченёнки-синепутики* [Там же].

- Наименование переселенцев из Вятского края. В данном случае происходит не «расширение границ» Вятки (как в двух предыдущих случаях), а метонимический перенос наименования жителей региона на обозначение переселенцев из этого региона. Ср. костр. «*Вятчане* живут, они пришли с реки Вятка, и южане <жители бассейна р. Юг>, они с южной реки» [ЛКТЭ], прииртыш. *вятчина* ‘о выходцах с Вятки’ [СРГСП, 1, 129], перм. *вятчена* ‘переселенцы из Вятской губернии’ [СРНГ, 6, 80].

- Наименование переселенцев вообще в противопоставлении коренным жителям. Ср. костр. «Ветчана в Мичурине жила. Из Эстонии, с Украины да — всё ветчана» [ЛКТЭ]; костр. «Ветченята эстонцы были. У нас *чулан* на мосту-то, у них *клеть*. Домики у их маленькие были» [Там же]. Таким образом, на пограничных с Вяткой территориях в образе *вятчанина* может реализовываться своеобразный эталон переселенца. Противопоставление местного населения и *вятчан* переосмысливается в оппозицию «русского» и «нерусского»; *вятчане* наделяются признаками, стереотипными для образа инородцев (см. ниже рубрики «Внешний облик жителей Вятки», «Черты характера и особенности поведения жителей Вятки»). Катойконим с объективным денотативным значением преобразуется в оценочную номинацию с широким референтным полем, а образ жителя Вятки, соответственно, — в стереотипный, подробно разработанный образ инородца. Ср. фольклоризированный сюжет о том, как вятчанин попал в плен: костр. «Попал *вятчанёнок* в плен. Там спрашивают: “Какой национальности?” Все говорят: “Русские”. А он: “А я — *вятчанёнок*”. Что это за национальность — *вятчанёнок*?» [ЛКТЭ].

- Отдельно следует сказать о случаях, когда «скрещиваются» различные значения слова *вятчане*: костр. «Соловецкие вятчанёнки ходили нищие, тут нищих много было. Ходили — всё из Соловецкого, из Сивцево, из Ратчины. Раньше говорили: у них изба нищая, не запирается» [ЭКТЭ]. «Место жительства» *вятчанят* в данном случае выбиралось в ориентации на несколько параметров. Автор данного высказывания — житель д. Лямино Власовского сельсовета Октябрьского района. С одной стороны, Соловецкий сельсовет расположен относительно Власовского восточнее, т. е. ближе к границам Кировской области — соответственно, именование соловецких вятчанами происходит под влиянием географического фактора. А с другой стороны, заселение Соловецкого, а также Стариковского сельсоветов, по-видимому, происходило именно из Вятской (а не из Вологодской) губернии. Следовательно, значимым оказывается также фактор происхождения. А Сивцево и Ратчина — деревни, расположенные в отдалении

от других населенных пунктов, их жители представляются «чужаками» и противопоставляются всем остальным жителям района. И в этом случае именование жителей Сивцева и Ратчины *вятчанами* происходит под влиянием общего представления о вятчанах как о «чужаках».

Развитие семантики наименования *вятчане* отражает специфику реализации оппозиции «местный — приезжий». Когда речь идет о «внутреннем» разделении жителей Вятской губернии, *вятчанами* становится коренное население старейшей части территории. Жители же районов, «проблемных» с точки зрения этнического состава и историко-административного деления (Зырянского, Кайского, Сарапульского, Елабужского, Уржумского, Яранского уездов), противопоставляют себя *вятчанам*, считая принадлежность к ним оскорбительной. Определением *вятский* уржумцы и яранцы наделяют не только старожилов Вятки, но всех переселенцев из других губерний, ср. *слепоротая вятка, вятская ворона* ‘жители юго-западных уездов Вятской губернии (Уржумского, Яранского), переселившиеся из других губерний’: «Яранцы зовут починовцев <переселенцев, основывающих новые хутора. — Е. К.> *слепоротая Вятка и вятская ворона*» [Зеленин, 1994б, 80].

В языке жителей пограничных с Вяткой территорий позицию «местных» (а точнее, старожилов) также занимают *вятчане*, современное же население этих районов считается *новоселами*: костр. «Ветченята раньше приехавшие люди, они вперед переехали, на этом месте жили, а новые новоселы» [ЛКТЭ]; «Ветчина — давнёшние жители» [Там же]; башкир. рус. *вячкой чалдон*¹⁹ ‘выходец или потомок выходцев из бывш. Вятской губернии’ [СРГБ, 5, 94].

Как реализация оппозиции «местный — приезжий» (точнее, в данном случае, «местный — переселенец») представлена и закреплена в прозвищах также точка зрения жителей Вятки на своих переселенцев, т. е. вятчан, уехавших в другие

¹⁹ Исходно *ча(е)лдон* ‘старожил Сибири’. Ср. *закоренелый чалдон*: «Стариков, которы давно приехали, зовем закоренелыми чалдонами», алт. *чалдонец*, бурят. *челдон* [СРГС, 5, 255–256, 270], приирт. *чалдон*: «Чалдоны и вятские мирно жили» [СРГС, 3, 292–293]. Заметим, что в этом контексте *вятские*, напротив, противопоставлены *чалдонам* как новопереселенцы коренным жителям Сибири. «Слово *чалдон* может приобретать негативные коннотации <...>, ср. кемер. *чалдон* ‘необразованный, некультурный человек’, новосиб. *чалдоны желтопузы* ‘бранное, насмешливое, презрительное прозвище русских старожилов-сибиряков’, ср.-приирт. *чалдоны желтороты*, красносяр. *чалдон синепупый* ‘устар., бран. прозвище сибиряков-старожилов’: ‘Говорили: «Чалдон синепупый, желторотый». Чалдоны только чай да чай, синепупые, верно, что чай пьют. Лапотоны больше варили хлебню да всё, чай не пили!» [Березович, Кривошапова, 2011, 133–134]. Интересно, что слово *вятчанин* (*вятчаненок*) имеет сходные системные связи, ср. костр. фольк. *вятчаненок желтопузый, вятчаненок белоглазый* ‘переселенец с Вятки’, *вятченёнки-синепуники* ‘коллективное прозвище жителей с. Боговарово Октябрьского района Костромской области» [ЛКТЭ], вят. «Вятские — водохлёбы: чай, наверно, любили да воду пили» [ИВК, 253]. Образы чалдонов и вятчан оказываются сходными, они наделяются близкими чертами: глупостью, необразованностью, телесными аномалиями внешнего облика, оцениваются иронически и несколько презрительно.

регионы, ср. *пермские* 'жители Вятской губернии (в настоящее время — Кировской области), уходящие на заработки в Пермь': «Пермские, уходящие на заработки в Пермь, — это очень новое явление на Вятке. Все они — холостяки, бессемейные. Вообще же оставить на сколько-нибудь продолжительное время свой дом, свою семью для вятчанина крайне трудно» [Зеленин, 1994б, 82]; *зимогоры* 'жители Вятской губернии (в настоящее время — Кировской области), уходящие на зиму в горы, в Сибирь' [Там же].

Религия

Представления о вятчанах как «древних людях» сопрягаются с восприятием их как старообрядцев. Ср. костр. *вѣтчана* '«прежние люди», староверы': «Вечана — это какие-то давнёшние-то-предавнёшние отродки, староверы» [ЛКТЭ].

Вятка в религиозном отношении — регион сложный и неоднозначный. В культурной памяти народа сохраняются как предания о знаменитой иконе Николая Хлыновского, об ее чудесном явлении и ежегодном крестном ходе, связанном с этим событием, так и представления о самоставленничестве вятских попов, их своеволии и искажении ими христианских обрядов.

Великорецкая икона Святителя и Чудотворца Николая была обретена в 1383 г. на берегу р. Великая верстах в сорока от Вятки²⁰. Память о явлении иконы Николая Хлыновского фиксируется в языке в самом названии иконы — *икона Николая Хлыновского*²¹, *Хлыновская икона*²². В выражениях *вятские иконы*, *петь ровно вятский нишишой* [Зеленин, 1994б, 83] осмысляются детали крестного хода с иконой Николая Хлыновского и Хлыновской иконой Божьей Матери: *вятские иконы* несут, как отмечает Д. К. Зеленин, в Сарапульский край; ход сопровождается оригинальным пением духовных стихов *вятскими нишицами* [Там же].

Вятка довольно долго (до 1781 г.) не была полностью подчинена централизованной власти Российского государства. Свободолюбие вятчан, потомков нов-

²⁰ Жители тех земель пытались доставить икону в Вятку, однако она вновь возвращалась на прежнее место. Тогда православные хлыновцы дали обет Святителю Николаю ежегодно после праздника Перенесения его мощей из Мир Ликийских в Бары (9 мая), переносить чудотворную Великорецкую икону на место ее явления на р. Великая. После этого в 1521 г. святую икону легко подняли и перенесли в храм во имя блаженного Прокопия Устюжского (1303; память 8 июля) в Хлынове [Бюро новостей «Давеча»]. Во время первого крестного хода с иконой на р. Великая состоялось чудесное обретение Хлыновской иконы Божьей Матери [Православный календарь].

²¹ Ср.: «Другой подобный случай был со мной на Великой реке, близ Вятки. Я ездил смотреть туда оригинальную процессию — как икону Николая Хлыновского носят туда в гости» (Герцен) [НКРЯ].

²² Ср.: «Хлыновской иконе молятся при болезнях, невзгодах, а также о счастье в браке и от нападения врагов» [Православный календарь].

городских ушкуйников, осваивавших Вятские земли, отразилось и на специфике вятской религиозной жизни, нежелании вятских (хлыновских) попов подчиняться власти московского митрополита²³.

«Легкое» отношение хлыновских священников к православным таинствам отражено в присловье, которое приводит Мельников-Печерский в книге «В лесах»: «“Молодец поп-хлыновец за пару лаптей на родной матери обвенчает”, — доселе гласит пословица про таких попов» [НКРЯ]. Некоторый отпечаток на образ хлыновских священников накладывают также общие представления о *хлыновцах* как ловкачах, хитрецах и мошенниках.

Модификации христианских представлений на Вятской земле, как думается, связаны с широким распространением среди местного населения языческих верований (что отчасти обусловлено и полиэтническим составом населения). Следы языческой обрядности сохранились, в частности, в названии праздника *Вятская свистунья* (более древнее название *свистопляска*). Это день поминовения вятчан, убитых по ошибке в битве с устюжанами в 1392 г., отмечаемый в четвертую неделю после Пасхи. Первоначально на месте битвы и захоронения устюжан служили панихиду, а далее, по языческим обычаям, поминовение сопровождалось свистом и плясками, кулачными боями, а также метанием глиняных ядер или фигурок²⁴ [Зеленин, 1994б, 75]. Память о событии 1392 г. сохранилась и в коллективных прозвищах вятчан *свистоплясы* и *свистоплясыцы* [Воронцова, 291].

Ряд вятских внецерковных праздников продолжают также *Петушинный Праздник* и *Недостов день*, отмечаемые в Котельничском уезде, а также известный вятский обряд *Троецыплятница*. Специфика этих элементов вятской традиционной обрядности подробно анализируется в этнографической литературе, в частности в статье Д. К. Зеленина «Народные присловья и анекдоты...» [1994б].

²³ Ср.: «Упрекая вятских попов в самочинии, московский митрополит говорил: “Не вемы, како и нарицати вас и от кого имеете поставление и рукоположение”. Но *попы-хлыновцы* знать не хотели Москвы: пользуясь отдаленностью своего края, они вели дела по-своему, не слушая митрополита и не справляясь ни с какими уставами и чиноположениями» (Мельников-Печерский) [НКРЯ].

²⁴ «Ныне в день сей все утро посвящается молитве, а остальная часть сего достопамятного дня прогулке и увеселениям. Народ собирается с небольшими свистками и целый день свищет, ходя по улицам, и, стоя на валу, бросает глиняные шарики в ров, куда сходятся городские ребята собирать их; часто случается, что шарики попадают им в голову и прошибают до крови; но это не препятствует им продолжать потеху. В честь оставшихся после сражения вдов продаются на тех местах куклы из глины, расписанные разными красками и раззолоченные» [Хитрово]. Позднее праздник теряет свой первоначальный смысл и превращается в ярмарку, где торгуют знаменитой *дымковской* (вятской) *игрушкой*. В 1920-е гг. праздник перестали отмечать. Отдельные его элементы были возрождены только в 1970-е гг. в День города Кирова.

Черты характера и особенности поведения жителей Вятки

Обитатели Вятки — благодатный «материал» для авторов художественной (нередко сатирической) литературы. Вятчане изображаются как эталон русского мужика, провинциального обывателя («Губернские очерки» М. Салтыкова-Щедрина, «Веселый солдат» В. Астафьева, «Как только, так сразу», «Дети кочегара» В. Крупина, «Территория» О. Куваева, и др.), упрямого, неряшливого, неуклюжего, «темного», малограмотного, говорящего на «смешном» диалекте, но вместе с тем трудолюбивого, хозяйственного, простодушного и выносливого.

Сходный образ рисуется в системе языка, но условно отрицательные черты (точнее, те, которые можно высмеять) выходят на передний план, а условно положительные (простодушные) приобретают иронический оттенок. Они высмеиваются в шуточных прозвищах и в анекдотах.

Приезжие вятчане все делают по-своему, не так, как принято в данной местности, ср. костр. «Привезли вятчанёнка в кузнецы. А у их всё *по-вятски* делали. Мама вот всё на речку ходила бельё полоскать, а вятчанёнки эти приехали — они у колодца выполоскали, палкой поколотили — и всё, и выполоскали. И мама так стала делать. И картошку <вятчане> садили не под плуг, а под лопату. Долго они по-вятски все делали» [ЛКТЭ]. Вятским приписывается небрежность, безответственность по отношению к выполняемому делу, ср. новосиб., кург. *по-вятски* 'плохо, небрежно': «Ты что так по-вятски сделал цепь? Дык по-вятски, они ничо не умели, вятски-то» [СРГНО, 88; Лютикова, 119]; перм. *на глазок по-вятски* 'приблизительно; наугад': «Я всё так делаю: на глазок по-вятски и сантиметр прибавлю» [ФСПГ, 79]; перм. *наугад по-вятски* 'не то, что требуется; не так, как полагается': «Ну, чего я тебе наговорю, скажу чё наугад по-вятски»; «Из дому человек уедёт, дак кака-то прядейка есть: не мьют пол-от сразу, а она, чёмор ее не знат, всё наугад по-вятски делат» [Там же, 234]. Они любят просить займы и не возвращают чужое, ср. *клянчи* 'жители Вятской губернии': «Вятчане — *клянчи*, уверял меня все тот же жиздринский переселенец; любят-де просить займы у соседей, да не любят отдавать» [Зеленин, 1994б, 83]. Им присуща непрактичность, неорганизованность, они умеют «по-русски» жить на авось, ср. «Вятич на авось и хлеб сеет» [ПРН, 1, 298].

Отметим, что приведенные лексические факты фиксируются в большинстве случаев на территориях, граничащих с Вятским краем, и там, где живет большое число переселенцев с Вятки (это касается и Новосибирской области, где проживают потомки ранее выехавших или сосланных туда вятчан). В Пермский край и в Сибирь вятские ездили на заработки, они ходили по деревням и выполняли обычную работу бродячих мастеров: плели лапти или катали валенки: прииртыш. «*Вятски лапти* плести мог ссыльный; как тапочки плели, на копыл одедали» [СРГСП, 1, 129]; перм. «Когда надо катанки подшить, дак идешь к чебота-

рю. Раньше какие-то приезжи чеботари были; у нас *вятский* чеботарь был» [СПГ, 2, 523]; «Катали приезжие, *вятские* катанки делали» [Там же, 1, 381]. Обычно мастер отдавал товар, получал деньги и шел дальше; мелкие огрехи, не замеченные сразу, нередко оставались безнаказанными. Возможно, эти обстоятельства также могут влиять на появление у наречия *по-вятски* значения 'сделать что-л. плохо, небрежно'. К представлению о неловкости, неумелости и глупости вятчан в данном случае добавляется конкретизирующий признак безответственности, легкомыслия по отношению к выполняемой работе.

По-видимому, вятчане не были желанными гостями у соседей — жителей Костромской и Пермской областей, ср. мотив неожиданности появления «вятчан-чужаков»²⁵, проявляющийся в перм. *вятские* *приехали* 'шутл. о menses': «Когда на себе, дак в шутку говорили — вятские приехали» [СПГ, 1, 154], костр. *вѣтчана* *приехали* 'то же': «Красные приехали, ветчана приехали — скажем»²⁶ [ЛКТЭ].

Вятские переселенцы имеют прозвище *гужееды* 'жители Вятской губернии, переселившиеся в Амурскую область': «Прозвища тут разны давали: и гужееды, и водохлёбы. *Гужеедами* вятских переселенцев называли» [СРГ Приам, 66]. Возможны различные мотивировки данного прозвища. В нем могут отражаться представления о «подвижности» *вятчан*, их стремлении к перемене мест, ср. народное толкование аналогичного прозвища, которым наделяли жителей Томской губернии, также склонных к «мобильности»: «Это вообще Томскую губернию называли гужееды. Ездили в Иркутск по городам с подводой, вот и прозвали их гужеедами» [Воронцова, 94]. Кроме того, прозвище *гужееды* нередко получает «пищевое» и «экономическое» объяснения — связывается с бедностью приезжих *вятчан*, ср. *гужееды* 'жители Центральной России, переселившиеся на Урал': «Такие бедные, что с голоду принуждены были съесть гужи от упряжки» [Там же]. И наконец, данное прозвище обыгрывается в одном из анекдотов

²⁵ Образ вятчан-«иноземцев», «пришельцев» заставляет обратить внимание на не совсем проясненные этимологические факты типа смол. *вятка* 'толпа, сборище людей, артель, гурьба' [СРНГ, 6, 80], *идти* (*пойти, ходить*) *вяткою* (*вятками*) 'идти (пойти, ходить) толпою, непрерывным потоком, стаей', *вятка* 'стая волков, собак' [ССГ, 1, 114]. Авторы ЭСБМ отмечают: «Недостаток данных вынуждает сделать только предположение. Можно допускать, что это реперезентация старой основы *jat-* (*-iti*), ср. с.-х. *jätiti* (*se*) 'собираться'. По форме (добавление протезы) это в данном случае образование типа *вячай, вятроўка* (гл.). К семантике ср. южнослав. лексику: с.-х. *jāto* 'ватага, община, братство', словен. *jāta* 'ватага, стадо', болг. *ято* 'ватага', и т. д. *Вятка*, таким образом, деминутив от *hat-a* или суффиксальное образование от глагольной основы *jat-*» [ЭСБМ, 2, 330]. Не обсуждая это предположение (это тема отдельной работы), отметим, эти слова, особенно сочетание *идти вяткой*, возможно, испытали вторичное притяжение к латвийскому *вятка* 'собирательное наименование жителей Вятки'.

²⁶ В подобных случаях к французам «приезжают» англичане, ср. *débarquement des anglais* <высадка английского десанта> 'menses', *avoir ses, les anglais* <иметь англичан> 'то же', а к испанцам — готы, ср. исп. *godo* <гот> 'то же' [Березович, 2007, 442].

о простодушных вятчанах, который записан на Вятке: два вятских мужика решили поехать в Москву на подводе (отсюда — *гужееды*) и, отдыхая, чтобы не потерять дорогу, поставили оглобли «по направлению Москвы». Их подслушали — и оглобли повернули назад: они подъехали ночью к Вятке и говорят: «Москвато чё-то на нашу Вятку похожа» [ИВК, 254].

Вятчане представляются *бесхитростными и простодушными*, ср. вят. *простодырый* ‘прозвище жителей Вятки’: «Едут вятские, на телеге сидят. Лесные люди вышли, разбойники. Лошадь выпрягают — молчат, сидят. Забрали и увезли. “Хорошо, что — говорят, — они оглобли не взяли, а то бы мы им дали!” От вятский народ такой — простодырый. <Какой?> Ну, простой! Простодырый такой. Такая поговорка есть в Вятке» [ИВК, 254]; вят. *лапотники* ‘прозвище жителей Кировской области’: «Вятские — лапотники²⁷» [Там же, 255].

Они *трусоваты*: «Ходит Вятка с пооглядкой» [ПРН, 1, 298], вят. «Вятский — народ хватский: семеро одного не бояться, а один на один — все котомочки отдадим» [ИВК, 253]. Поговорка «Вятские — ребята хватские» становится своеобразным рефреном анекдотов о трусости, простодушии и глупости вятчан, ср. вят. «Вятские — ребята хватские: корову на баню тащат, потому что косить неохота» [Там же, 255]; «Вятские — мужики хватские: семеро одного не бояться. Семь стоят на возу, один кидает вниз и кричат: “Не заваливай!”» [Там же, 253].

Вятчанам приписывается *рассеянность и глупость*, ср. перм. *кедра вятская* ‘о глупом, недалеко’²⁸: «Ты чё, кедра вятская, голышом! Иди на середь, оденься, а то мужик ведь в дом зашел!» [СРГКП, 151], а также толкование прозвища (*Сеня*) *Вятка*: ср.-урал. «Он не с Вятки сам, тутошный, а вот разиня, как Вятка» [Березович, 2003, 31; АКТЭ]. Эти черты в народном сознании гиперболизируются и становятся поводом для создания множества анекдотов, в которых вятчане действуют как юродивые из народных рассказов или сказочные Иванушки-дурачки²⁹. В этом смысле образ вятчан перекликается с образом пошехонцев, создаваемым в лубочных картинках и в анекдотах, собранных и обработанных В. Березайским, а также в «Пошехонской старине» М. Салтыкова-Щедрина. При этом непроясненным остается вопрос о том, исходя из каких объективных критериев та или иная локальная группа выбирается народом в качестве

²⁷ Очевидно, данным прозвищем вятчане наделяются и за особое умение плести лапти, о чем см. ниже. В то же время здесь проявляется и мотив простодушия вятчан, ср. анекдоты о том, как вятские через Вятку переплывали и прямо там «лапти сушили» [ИВК, 254]. Показателен и следующий контекст: «Выпив, Алексей Гаврилович сразу же закричал: “Ты думаешь, мы, вятские, што? Из лыка выплетены, как лапти? Не-ет! Из вятских сколько известных людей вышло?”» (Куваев) [НКРЯ].

²⁸ Ср. вят. *чурки твердолобые* — прозвище русских, живущих на Вятке [ИВК, 255].

²⁹ К характеристике вятчан по данным этнографии и фольклора обращена статья Д. К. Зеленина «Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии. (Этнографический и историко-литературный очерк)» [19946].

объекта насмешек. Кроме того, заслуживающим внимания кажется сам механизм возникновения и развития анекдотов такого рода.

Ироничное отношение к вятчанам, постоянно попадающим в забавные ситуации, может способствовать развитию комических сюжетов на базе «нейтральных» прозвищ (отражающих реальные, объективные признаки объекта номинации). Так, у вятчан есть прозвища типа: вят. *толоконники*, *толокноеды* [ИВК, 253], *толоконники вятские*, *толокмесы* [Воронцова, 325, 323]. Они имеют «пищевые» объяснения: «Вятчане и вологодцы делают вкусное толокно и любят его» [ПРН, 1, 298]; «До сих пор славится *вятское толокно*, а отсюда и прозвище: *толоконники*» [Зеленин, 1994б, 90–91]. По мнению Ю. Б. Воронцовой, на базе подобных прозвищ может возникнуть анекдотический сюжет: «Известный анекдот о том, как вятчане, вологодцы и др. месили в реке толокно, необходимо признать простым развитием прозвища *толоконники* (любители толокна), которыми являются все великорусы» [Воронцова, 2002, 77]. Объективная этнографическая информация в данном случае «затемняется» и преобразуется в субъективно-оценочную. Под влиянием анекдотов о вятчанах, попадающих в комические ситуации из-за своей глупости, возникает псевдоситуативная мотивировка: «Толокно в Вятке хлебали. Зимой в прорубь пустили толокна и стали его есть, показалось жидко: всыпали еще, тоже. Вот один вятчанин нырнул в прорубь, чтоб размешать толокно, и остался там. Товарищи его сказали: “Ваньчо! Он все толокно там съест, нырнемте и мы,” — что и сделали» [Воронцова, 325]. Аналогичным образом, думается, возникла вторичная мотивировка для прозвищ *свиносады* и *поросятники*, ср.: «Вятчане поросёнка на насёдала сажали: *чепісь-чепісь, не то падёшь; курича о двух ногах да чёпичья*» [Зеленин, 1994б, 91]. Первичной же кажется мотивировка прозвищ, отражающая свиноводческую деятельность вятчан.

Представления о рассеянности и невнимательности вятских мужиков раскрываются в анекдоте и при толковании прозвища вятчан *ротозеи*, ср. «*Вятчи — ротозеи* (новгородцы подпустили под Болванский городок (село Никулицыно) болванов на плотях, вятчи зазевались на них, а новгородцы с другой стороны взяли городок)» [ПРН, 1, 298]. Прозвища *ротозеи*, *слепороты*, *слепороды*, которыми часто наделяются вятские, хранят в себе, как думается, комплексные впечатления от характера и внешнего облика вятчан.

Есть случаи, где можно предполагать обратное явление: первичен анекдот, который закрепляется и сохраняется в прозвищах вятчан, ср. вят. *вятские похлебки* ‘прозвище жителей Вятского края’: «Ездили на мельницу деревенские толокно молоты. Ну вот. Смололи толокно, подошли к реке. Он говорит: “Вань, давай толокно похлебаем! Больно хорошо, вкусно пахнет”. — “Давай”. — “Да давай засыплем”. Высыпали мешок. “Да давай твой давай один”. Попробовали — жидко. “А че это жидко? Да давай еще!” И все толокно свалили: все равно жидко. Вятские похлебки» [ИВК, 253]. Здесь анекдот «конденсируется» в номинативном

факте. В то же время не исключено, что перед нами вторичное переосмысление прозвища *похлебки*, отражающего тот же признак, что и *водохлебы*.

Встречаются и комические ситуации, не отраженные в прозвищах, а запечатленные только в анекдотах, ср., к примеру, анекдот о вятчанине в Казани, купившем вместо сахара свечку, так как забыл слово *сахар*: «После наш Ваньчѐ все и вспоминал про Казань: “Да щѐ это у них, в Казани-ту, и за сахар! Ись ево не ловко, в серодках веровка!”» [Зеленин, 1994б, 91–92].

Внешний облик жителей Вятки

Основными портретными чертами вятчан, по мнению носителей языка, являются глаза (*белые* или *слепые*), волосы (*рыжие*), цвет кожи (*желтый*, *синий*) и, наконец, общая неуклюжесть, неповоротливость, неловкость.

Г л а з а. «Белоглазость» — часто упоминаемая отличительная черта «чужаков», инородцев, ср. *чудь белоглазая* (об этой черте см., например, в [Белова, 2005, 54]). В данном случае признаку чуждости, принадлежности другому миру сопутствуют реальные антропологические характеристики внешности: слабая пигментация глаз у представителей этих общностей.

Светлые глаза как отличительная черта вятских попадают в художественную литературу: «Чаще глаза были выцветшие, голубоватые, как у *вятских старушек*» (Куваев) [НКРЯ]. *Белоглазые вятчанята* становятся героями частушек: костр. «Ветчанёнок белоглазый, К нам деревню приходил. Ветчанёнка белоглазого Никто не полюбил» [ЛКТЭ].

«Белоглазость» может восприниматься обиденным сознанием как слепота, которая также является устойчивым признаком представителей «инога мира»: бытуют поверья о том, что инородцы рождаются слепыми, подобно животным, и прозревают только через некоторое время. Такое свойство, в частности, поляки и украинцы приписывают мазурам, ср. польск. *ślepy Mazur, śleporód* [Белова, 2005, 54]. Восприятие мазуров в Польше вообще сходно с отношением к вятчанам в России: высмеивается их внешний облик, глупость и простодушие, диалектные особенности речи и т. д. В России же *слепородами* считаются пошехонцы («Пошехоны-слепороды: в трех соснах заплутались. За семь верст комара искали, а комар на носу» [ПРН, 1, 294]) и вятчане («Вятчи — слепороды; устюжане пришли на помощь, а вятчи сочли их за неприятеля и стали бить. У вотяков подслеповатые глаза, у новорожденных же они очень малы» [ПРН, 1, 298]). В объяснении В. И. Даля соположены объективный антропологический признак (маленькие глаза³⁰) и легенда о битве между

³⁰ Ср.: «Уж как счастлив был гармонист: вятский детина с горбатым лоснящимся носом и *кروشечными*, как у слона, глазами на широком лице: подумайте, сам Чапаев отплясывает под его охрипшую, заигранную до смерти гармонию!» (Фурманов) [НКРЯ].

устюжанами и вятчанами, где вятчане, *не разглядев*, стали бить устюжан, приняв их за неприятеля (татар).

Истории, когда вятчане попадают в комические ситуации из-за своей подслеповатости, становятся толчком для развития представлений об их невнимательности, неосторожности и неловкости, ср. «Еще, по Далю, вятчане не только слепороды, но также и ротозеи. Вятской слепень наехал на пень да и кричит: “Своротите!”. Медвежатники вели медведя, а слепороды подумали, что иконы несут, да и давай звонить во все колокола» [Зеленин, 1994б, 80]. По-видимому, вследствие контаминации прозвищ *слепороды* и *ротозеи* возникает форма *слепоротая Вятка* ‘жители юго-западных уездов Вятской губернии (Уржумского, Яранского), переселившиеся из других губерний’ [Зеленин, 1994б, 80].

Вятским может приписываться также куриная слепота, ср. мотивировку волж. *гады* ‘жители Вятской губернии’: «Их (вятчан) прозвали гадами, потому что они слепороды: коли станет смеркаться, так не видят. *Вятчане гады, наделали беды* (поговорка)» [СРНГ, 6, 90].

Слепота вятчан, по народным представлениям, отчасти становится и причиной их неуклюжести, неповоротливости, ср. перм. *вятский шлэпень* ‘неуклюжий, неповоротливый человек’: «Да он какой-то вятский шлэпень: когда-то чё-то скажет, когда-то повернётся, не дожждёшша» [СПГ, 2, 556]; вят. *вятский слепень*: «Вятский слепень наехал на пень и кричит: “Отворачивай!” Много было таких» [ИВК, 253]. Мотив неуклюжести проявляется и в перм. (*как*) *бродень вятский* ‘увалень’: «Ходишь тут, как бродень вятской, лико, стул-от своротил» [ФСПГ, 32].

В о л о с ы. Есть указания на то, что специфичной для вятчан чертой внешности считаются рыжие волосы, ср. костр. «С Вятки люди — ветчана и есть, коверкают слова. Ветчана, пожалуй, *всё рыжие* больно» [ЛКТЭ]. Возможно, это представление отражено и во вторичной мотивировке выражения *вятские рыжички* [Мултановский, 1903, 2], где первоначально подразумевались популярные на Вятке грибы рыжики.

Ц в е т к о ж и. Народное сознание наделяет жителей Вятки желтым и синеватым цветом кожи. В этих представлениях также соседствуют реальный признак (светлая, желтоватая и тонкая до синевы кожа) и ненормативность, «чуждость» внешнего облика вятчан, ср. костр. «Ветчанёнок *желтобрюхой* к нам в деревню прибежал³¹» [ЛКТЭ], костр. *вятченёнки-синепупики* ‘коллективное прозвище жителей Покровского сельсовета Октябрьского района Костромской области’: «“Ой ты, вятчанёнок-синепупик!” — это для унижения слово применяли» [ЛКТЭ]. Нестандартность цвета кожи — также постоянный признак инородцев,

³¹ См. также контекст, описывающий вятчанина в противопоставление пермяку: «Вот пермяк с сурово и жестко зарисованными чертами; вот *золотушный вятчанин*, прицокивающий смягченным говором» (Короленко) [НКРЯ].

символизирующий их связь с потусторонним миром, ср. севернорусские легенды о *красной и черной чуди* [Белова, 2005, 52].

Отметим, что «инородческий» портрет вятчан возникает, в первую очередь, в языковом сознании их соседей, т. е. жителей территорий, куда вятские нередко ходят или ездят, не всегда при этом будучи желанными гостями. Соответствующим внешним обликом «чужаки» наделяются, по-видимому, в силу желания местных выставить себя в выгодном свете на фоне соседей-вятчан, а тех высмеять.

Язык Вятки

Важное место в структуре образа жителей Вятки занимают представления о вятском наречии. Вообще, образ человека или коллектива формируется во многом из черт внешности и языка, поскольку языковые (в первую очередь, фонетические и лексические) особенности можно легко выявить, «поймать» даже при кратком общении людей. Важным источником информации о языке вятчан являются коллективные прозвища, фиксирующие те или иные языковые черты, которые этому языку приписываются, а также дразнилки, частушки. Их дополняют свободные тексты, содержащие метаязыковые размышления диалектоносителей.

Отметим, что в формировании представлений о языке значимую роль играет точка зрения субъекта номинации / субъекта рефлексии: в данном случае «внутреннее» и «внешнее» отношение к выбору специфичных «вятских» черт речи существенно различаются. При этом «внутреннее» не может быть заимствовано и транслировано вовне (как это происходит, например, с наименованиями животных и растений, ср. известные за рубежом сочетания «вятская рожь», «лошадь вятской породы» и др.).

1. «Внутренняя» точка зрения отражает: 1) самоопределение вятского говора в системе языка, т. е. саморефлексивное восприятие говора (списки «вятских» слов и фразеологизмов, высказывания об отличиях вятского говора от других и от литературного языка и др.); 2) внутрирегиональное разделение говоров, когда среди жителей Вятской губернии разграничиваются *вятчане* и *не-вятчане* [см.: Зеленин, 1994б] и выявляется перечень языковых черт, характерных для *вятчан*.

1.1. Саморефлексивное восприятие вятского говора. В рамках данной статьи мы не будем останавливаться подробно на собственно «внутренней» точке зрения при описании вятской речи. Имеющиеся у нас примеры осмысления жителями Вятки своего языка достаточно традиционны: вятская речь представляется как неправильная, не соответствующая норме, деревенская, ср. вят. «Гулька на веретях растет: так ромашка — а мы гульками зовём» [ОСВГ, 3, 103]. Как и носители других говоров, вятчане подвергают метаязыковой рефлексии элементы языковой системы (в первую очередь — топонимы), сохранившие память о прежних жителях данной местности — удмуртах и ма-

рийцах: вят. «Сначала писали *Чепочкин* <монастырь>, потом *Цепочкин*. Там жили удмурты, которые говорили ч» [ИВК, 227]. Топонимы осмысляются как с прагматической точки зрения (по сфере употребления — официальной / бытовой), ср. вят. «Потом эту деревеньку стали Развалы звать, потому что она на самом высоком месте была. <...> А по-писаному была Зафоминская» [Там же, 128], так и с эстетической (красивое / некрасивое, ласковое / грубое название), ср. вят. «Еще рядом деревня Серёдыш находилась <...> А после революции сказали: что за название такое некрасивое? Назвали ее Тарасово» [Там же, 139].

1.2. Внутрорегиональное разделение говоров. В данном случае формируется внутренняя оппозиция «вятское — не вятское». Вятское в узком смысле — характеризующее жителей старейшей (юго-западной) части Вятской губернии, *вятчан*, в противопоставлении жителям периферийных районов (Сарапульского, Елабужского, Яранского, Уржумского и др.). Одной из характерных черт фонетики говоров Вятской губернии является смешение аффрикат *ц* и *ч*, при этом встречается как совпадение аффрикат в [ц'], так и древнее мягкое чоканье. «Чокающими» являются котельнические говоры, подвергшиеся марийскому и татарскому влиянию, а «цокающими» — собственно вятские. *Вятчане* сохраняют в речи черты, отражающие «слои» заселения территории, соответственно, в их произношении встречается как чоканье, так и цоканье. Ср. *вятчаньё* — о жителях Вятского, Орловского, Котельнического, Нолинского и Слободского уездов Вятской губернии: «Отличие в говоре мужчин и женщин: женщины произносят “ч” вместо “ц”, мужчины “ц” вместо “ч”» [Зеленин, 1994б, 72]. Следовательно, для жителей других уездов значимым может становиться тот признак (чоканье или цоканье), который является отличным от их собственного произношения. Так, жители Уржумского уезда передразнивают вятский говор: «*Ваньче!* Беги на то *коньчё*, звони в *колокольчё*» [Там же, 74]. Население Сарапульского уезда³² называет жителей юго-западной части Вятской губернии *ваньчё-бывалечь*: «Эта шутливая кличка сарапульцев по адресу вятчан указывает на вятское чоканье (*ч* вместо *ц*)» [Там же]. С другой стороны, «сарапульцы дразнят *вячких*: *цок-цок*, подчеркивая тем самым, что вятчане “прицокивают”, произносят *ц* вместо *ч*» [Там же].

Кроме того, в прозвищах, даваемых вятчанам сарапульцами, проявляется такая черта говора, как произношение *ши* на месте *щ*, *сч*, ср. *ошишки* ‘жители юго-западной части Вятской губернии’: «По произношению слова *еще* сарапульцы зовут вятчан *ошишки*: они говорят *ошиб*» [Зеленин, 1994б, 74], а также произношение местоимения *что* как *штё*, ср. *щёкалы* ‘жители юго-западной части Вятской губернии’ [Там же].

³² Сарапульский уезд изначально был населен удмуртами (ныне это территория Удмуртской Республики), возможно, это повлияло на активное осмысление «вятских» особенностей речи сарапульцами.

2. «Внешней» («соседской») является точка зрения тех локальных коллективов, которые постоянно контактируют с вятчанами, и рефлексия в этом случае преследует цели понимания «своего» через определение «чужого».

Язык вятчан — одна из наиболее значимых черт образа жителей Вятки в сознании их соседей: «Ветчанёнки не по-нашему говорят, не по русскому языку. У нас, у вохмяков, больше к русскому языку подходит. Ветчанёнки язык коверкают»³³. При этом представления о чертах вятского говора, отражающиеся, например, в прозвищах вятчан, могли постепенно утрачивать конкретную наполненность: *вятчанином* становился любой, кто говорит на «неправильном» языке, в том числе и носитель иностранного языка («Мы-то *русские*, вохмяки, а они ветчана»).

Обратимся к описанию некоторых конкретных черт, присущих, по народным представлениям, языку Вятки.

Фонетика и просодия. Жители территорий, граничащих с Вяткой, отмечают следующие фонетические черты вятского наречия:

— чоканье, ср. *чёкалы* ‘прозвище жителей Вятки и восточных сельсоветов Октябрьского района Костромской области’: «Ветчанят чёкалами звали. Ветчанята чёкалы, *чё по чё* говорят»; *чуда-почуда* ‘прозвище жителей Вятки’: «Ветчанёнки на *ч* говорят. “Ой, девка, чё это ты?” Всё у их *чу* да *чу*. Мы и зовём их *чуда-почуда*»; *чу-на-почу* ‘квазислова, передразнивающие речь жителей Вятки’: «Ветчане всё на *ч* говорят. Их дразнили “*чу-на-почу*»»; «“Шла *овча* с *кляча*, да как *кувырнечча!*” — это у нас ветчанят дразнили, вроде, они так говорят»; «У старых окончание на *-ча*: *рукавича*»; «В Шайме были ветчанята, все на *ча*»;

— сохранение мягкости шипящих звуков, ср. «Здесь половина ветчанят. Они с реки Вятки. Они говорят мягче: “Ямщик, держ’и туж’е вож’и: маш’ина беж’ит”»; *шишикать*, *жижжикать* ‘о речи вятчан с большим количеством шипящих звуков’: «На Вятке *щ* вот все как-то больше и *ч*, все они как-то шишикали больше»; «На Вятке свои порядки. Ходят всё *жижжикают* — *жи-жи, жи-жи*»;

— прогрессивная ассимиляция заднеязычных по мягкости: «Ветчана говорили на *я*: *Дунья, Ванья, Сенья*»;

— аканье: «Ветчанята говорят не по-нашему: вохомцы на *о*, ветчанята на *а*»;

— наличие *о* напряженного: «На у как-то у вятчанёнков: “Я берюзувую тюлочку Кучу, кучу, кучу <качу>, Первый раз девчунку вижу, Пузнакумиться хочу”»;

— особое произношение слов *еще, что*: перм. *ащовань* ‘жители Вятской губернии’ [СРНГ, 1, 300]; «У вятских есть смешное слово *штё*. Все говорят *что*, а они *штё*»;

³³ Здесь и далее представлены главным образом материалы, собранные Топонимической экспедицией Уральского университета в Павинском, Октябрьском и Вохомском районах Костромской области. Они приводятся в статье без паспортизирующих справок.

— специфика интонации, «протяжная» речь: «По-вятски как-то с ростягом говорят. Мои-то российски были» [СРГЮК, 62]; *гамаюны* ‘жители Вятской губернии, прозвище людей, говорящих на «поющем» диалекте’: «Гамаюнами называли вятских. Опять гамаюны поприехали» [СРГСУ, 1, III]; *вятские* ‘жители д. Никитино Мантуровского района Костромской области’: «Никитинские говорят как вятские — растягивают так»; «Они <вятчане> протягают. Они полого разговаривают, а мы-то круто. Ветчанята пели: “Маручатского милёночка Любила на обма-а-а-ан. Посадила полоротому воробышка в карма-а-а-ан”».

Называя вятчан *гамаюнами*, *чёкалами* и т. п., жители соседних территорий преследуют цель языкового самоопределения и отграничения своего говора от других: выделяют якобы те черты, которые присущи именно жителям Вятки. В то же время объективно данные диалектные черты равным образом характерны как для вятских говоров [Колесов, 1990, 27–28], так и для восточных костромских говоров [Ганцовская, 1992, 5].

Л е к с и к а. Для определения круга «вятских» слов местные жители (в данном случае — костромичи) обращаются к своеобразным лексическим индикаторам. Чаще всего такими индикаторами становятся обозначения бытовых реалий: выпечки («*Колобы* вятское слово, а у нас всё *шаньги*. Ветчанят по *колобам* сразу узнавали, по этому слову»), одежды («Ветчанухи-бабы говорили *зипунто*»), частей дома («Ветчанята эстонцы были. У нас *чулан* на мосту-то, у них *клеть*») и др. При этом как будто стираются границы «слов и вещей»: одна и та же реалья, называемая на Вятке другим словом, сама становится в представлении диалектоносителей словно иной, ср. «На Вохме называли ступни, на Вятке — бахары. Я ходила девчонкой в бахарах, переехала сюда³⁴ — стала ступни носить».

Лексическими индикаторами «вятскости» могут становиться также типовые обращения и имена: *вани* ‘жители Вятской губернии’: «Вятчи — толоконики, *Вани*» [ПРН, 1, 298]; *ваньчё*, *ваньчи* ‘то же’ [Воронцова, 50]; «Ну, *девкаматушка*, — ветчанята так говорят»; «У них <ветчанят> заведёно *кума*, они встречаются: “Здорово, *кума!*”. А мужик — *кум*. *Кум* здесь будет только крёстный. У нас забытое слово, а у них постоянное слово». Дополнительным толчком к появлению таких прозвищ, возможно, становится осмысление самого имени *Иван* как типично русского, простонародного, имени сказочного дурака.

С и н т а к с и с. Вятским приписывается традиция «еврейских ответов» (т. е. ответов вопросом на вопрос, переспрашивания): вят. «Так это даже в истории слышно было. Это вятские так смеются. “Откуда ты?” — “Я-то?” — “Я больше не спрашиваю: значит, вятский”» [ИВК, 254].

³⁴ Из Стариковского сельсовета, где, как считалось, жили вятчане, во Власовский сельсовет Октябрьского района Костромской области, где проживают вохмяки.

Осмысление речи вятчан в социолингвистическом аспекте зависит во многом от представлений о самих вятчанах (их «старинности», «чуждости» и т. д.). Вятский говор противопоставляется языку местных по ряду параметров, среди которых:

— временной (оппозиция «старинное — новое»): к примеру, костромичи воспринимают вятчан как «старинных» жителей, а соответственно, язык вятчан — как старый, ср. «В Вохме-то говорят по-вятски, там больше старинного всего»;

— геополитический (оппозиция «иностранный — русский»): «Вот ветчана-то: эстонцы да островские³⁵. Они все с разных сторон, а больше с той стороны Ветлуги. У их разговор особой. Мы-то *русские*, вохмяки, а они *ветчана*»;

— социокультурный (оппозиция «городское — деревенское»): «Ветчина из-за Вохмы приезжали. Они как покультурней говорили. А мы дико-надико говорим».

Несмотря на появление в этом ряду оппозиции «городское — деревенское», где вятская речь представляется городской, культурной, часто над говором вятчан смеются, подшучивают (возможно, впрочем, это также следствие общего иронического отношения к жителям Вятки). При этом могут конструироваться целые фразы-вопросы или загадки, утрированно имитирующие вятский говор. Так возникает, например, фольклоризованный образ вятского кушанья — *заепери с дрыгозой*, ср. «Ветчана всё или <ели> *заеперю с дрыгозой*. Смеялись мы. Толкно замешают, побольше сметаны туда. У нас *дежень* звали, а над ими смеялись: “Где, ветчана, *заеперя с дрыгозой?*”». Показательна также загадка, отражающая восприятие вятской речи вологодцами и записанная В. И. Далем: «Шурка, постань *селезняк* на *бабурку*, а сама полезай на *верёх!*», т. е. «Сашка, поставь горшок на загнетку, а сама полезай на чердак!» [цит. по: Зеленин, 1994а, 46]. «Мы встречаемся с утрировкой лексических особенностей местного говора: многие слова в этих загадках нарочно выдуманы, а в действительности никому не употребляются», — пишет Д. К. Зеленин [Там же].

Материальная и духовная культура

Важной отличительной чертой вятчан являются и их бытовые и ремесленные умения, искусства. Вятка — регион, известный н а р о д н ы м и п р о м ы с л а м и. В городе Вятка изготавливается гармоника *вятка* («В наше время на вятке играли, под частушки и под пляску выходило не худо» [ССРЛЯ, 2, 1355]), известная всей России. Жители различных регионов страны знакомы также и с *вятскими каповыми баульчиками* и *табакерками*: «Крышка деревянна просавывалась, изнутри закрывалось. Тоже там в вятской стороне придумывали» [Даль, 2, 89], *вятским кружевом*. Визитной карточкой вятской культуры, безусловно,

³⁵ Возможно, жители Островского района Костромской области.

является *вятская (дымковская) глиняная игрушка*, хранящая смутные воспоминания о традиции бросать глиняные фигурки на месте поминаения устюжан (см. выше), однако в первую очередь воспринимаемая как форма изящного народного промысла.

В сознании костромичей их соседи с Вятки предстают трудолюбивыми и умелыми, «рукодельными»: костр. «Мужики, дескать, на Вятке, не как наши — наши ленивее ли чего ли, а там — работыги, умельцы. И женщины тоже ткали, убирали всякие узоры там» [ЛКТЭ]; «Мужики вятские, главное, всё делали они, не как наши мужики — и сани делали оттуда, колёса делали. И привозили в Вохму торговать, денежки вырочали, хлеб у вохмяков покупали» [Там же].

«Рукодельность» вятчан проявлялась также в изготовлении обуви — плетении лаптей и катании валенок — занятиях, традиционных для вятских переселенцев, обыкновенно ходивших по домам и выполнявших подобного рода «дорожные» работы, ср. прииртыш. *вятски лапти* ‘лапти из бересты (?)’: «Вятски лапти плести мог ссыльный; как тапочки плели, на копыл одевали» [СРГСР, 1, 129]; перм. «Когда надо катанки подшить, дак идешь к чеботарю. Раньше каки-то приезжи чеботари были; у нас *вятский чеботарь* был» [СПГ, 2, 523]; «Катали приезжие, *вятские* катанки делали» [Там же, 1, 381]. Ссылные или просто приходящие на заработки с Вятки, по-видимому, плели лапти другим способом, чем это принято среди местных, что отражалось в номинации лаптей. Умение вятских жителей изготавливать лапти отражено и в прозвищах вятчан, ср. костр. *лапотники*: «Вятские — лапотники: они очень много плели этих лаптей, умели плести лапти, да и щас ещё плетут» [АКТЭ].

Вятской одеждой в народном языковом сознании считается крашенная *кошуля* ‘шуба, крытая полотном разных цветов’ [ЛКТЭ], ср. костр. *синекошульники вятские* ‘жители Вятской губернии’ [АКТЭ]. Возможно, в этом прозвище есть коннотация материального благополучия: крашенная, синяя *кошуля* считается одеждой зажиточных людей. Ср. также: «Живет на Вятке да ходит в однорядке» [Зеленин, 1994б, 97]. Соседи вятчан, костромичи, выделяют также особенности вятских головных уборов: «Шашмурой у нас называли, а вятченёнки надевают белые платочки, сверху шаль» [ЛКТЭ].

Говоря о пище жителей Вятки, в первую очередь следует вновь упомянуть почти фольклорное вятское блюдо *заперю с дрыгозой*, т. е. толокно со сметаной (см. выше). Популярными являются и *вятские ярушники* ‘хлеб из овсяной или ячневой муки’ [Зеленин, 1994б, 79], костр. *вятские пирожки* ‘пирожки с картошкой’: «Напекот этих вятских-от пирожков, картосников это. Десять вятских пирожков принесёт: “Помяните Ивана, помяните Ивана”» [ЛКТЭ], *вятский чернослив* ‘пареные ломтики репы’ [Зеленин, 1994б, 79], *вятские рыжички* [Мултановский, 1903, 2]. Кстати, даже в современных ресторанах блюда из грибов иногда получают названия с определением *по-вятски*: *рыжики по-вятски*, *сушанка по-вятски* и др.

Кроме того, в народном языковом сознании присутствует образ вятчан — любителей разных напитков — к в а с а, в о д ы и л и ч а я. Эти пристрастия отражены в прозвищах вятчан и их толкованиях: костр. *квасники* ‘прозвище жителей Вятки’: «Водохлебы зовут наших вохмяков, а мы вятских — квасниками»; «Вохмяки-водохлебы, а вятчане — квасники. Они воду не носили на покос, а ходили все с квасом. Квас у них три дня ходит, а у нас одновыдельный»; «Там квасы, на Вятке, делали квасники-то. А ведь и у нас всё квас делали, ак поштё так называют смехом?» [ЛКТЭ]; костр. *квасная пучина* ‘прозвище жителей Вятки’: «Мы водохлёбы, а ветчанята — квасная пучина <брюхо>» [Там же]; *водоквасы* ‘жители Кировской области и примыкающих к ней районов Костромской области’: «Ветчанята — водоквасы. Им квасу надо» [Воронцова, 54]; вят. *водохлебы* ‘жители Вятской губернии’: «Вятские — водохлёбы: чай, наверно, любили да воду пили» [ИВК, 253]; костр. «Вохмяки — водохлёбы. Пей или не пей <квас>, а всё воды хочется. А вятские квас пили» [ЭКТЭ]. «Водяная» модель является достаточно частотной на Русском Севере и, по-видимому, первоначально связана с геоландшафтными обстоятельствами (близость крупного водоема, реки). Затем на первый план выходят пищевые привычки: вят. «Один вятский мужик семерых перепьет» [ИВК, 253].

Широко известны и вятские традиции п и в о в а р е н и я. Выделяется *вятский солод*: «Солод вятской, хлет (?) казанской, пивовар ярославской; ах! Пивце как суслице...» (из свадебной песни) [Зеленин, 1994б, 79]. Соседи вятских, костромичи, хорошо знают особенности вятского способа пивоварения: «Ветчанёнки-то на корчагах ставили, отсюда и кочеражное, а у нас все на шшанах ставили»; «На Вятке пиво в корчагах делали, а у нас <на Вохме> в чанах варили или в переменках»; «У нас хорошее пиво варят, а у ветчанёнков — жидели. Жиделёк они наварят, воды много льют. У вохмяков 4–5 вёдер воды на пуд солоду. У ветчанёнков 10 вёдер воды»; «Они вот пиво делают не по-нашему. Каменья варят дак. А у нас совсем по-другому делают. А у них солод из ячменя делали, а у нас изо ржи делали» [ЛКТЭ].

Среди наименований о р у д и й т р у д а *вятскими* являются такие реалии, которые считались производимыми или используемыми на Вятке, и при этом необычны, нехарактерны для других территорий. Ср. арх. *вятка, вятская соха* ‘соха, выкованная в кузнице’: «После сохи вяцкая соха была, потом плук» [АОС, 9, 17]. Для архангельских крестьян традиционной была деревянная соха, и в наименовании кованой *вятской сохи* отражался не только признак «области-изготовителя», «импортера», но и признак новизны, необычности. Ср. еще влг. *вятка* ‘соха, изготовленная в Вятской губернии’: «На вятке пахивала, до плугов ешшо» [СГРС, 2, 289]; арх. *вятская соха* ‘то же’ [Там же].

Особо выделяются и косы вятчан, ср. костр. *вятка, вятская коса* ‘коса-горбуша’: «Это вятка у Пашухи, у них вятками косят, наклоняюся»; «У нас литовские были, туда, в Боговарово, вятские; вятская — горбуша, с коротким черен-

ком, а наши-то литовки культурные, на косовище надеты» [ЛКТЭ]. В данных номинациях совмещены признак необычности реалии для костромской территории, где распространены косы-литовки, и признак места изготовления, а точнее, места традиционного использования кос-горбуш. Подобного рода представления о вятских реалиях и местах их использования могут маркировать предположительные места жительства вятчан-переселенцев.

Помимо традиционно «вятских» орудий труда, языковое сознание отмечает также особый способ боронования, принятый на Вятке, ср. костр. «Это раньше, вишь, вятчанёнки так звали — *кдюшили*³⁶» [ЛКТЭ].

В ряду *вятских* хозяйственных орудий и приспособлений оказывается также особое устройство для получения смолы. Его наименование встречается в речи диалектоносителей: арх. *вятский котел* ‘котел для вытапливания смолы’: «В вятских котлах смолу топили: пни кладут и топят»³⁷ [КСГРС]. По-видимому, из говоров оно попало в специальную профессиональную терминологию деревообработки, где *вятский котел* упоминается в ряду с *ветлужской печью*, *минской ретортой* и др. [Козлов; Производство смолы...]. Вятские чугунолитейные заводы династии Пастуховых широко известны, вятское железо хорошо обрабатывалось и почти не ржавело, поэтому высоко ценилось [Судовиков].

Языковое сознание отмечает и вятские развлечения, главным образом пляски, ср. костр. *ветлугай вятский* ‘пляска’: «Ветлугая вятского все вместе плясали, сколько есть, десять, двадцать человек» [ЛКТЭ]. В названии танца *ветлугай* исходно отражена информация о территории распространения этого танца (бассейн р. Ветлуга). В подобного рода наименованиях народных плясок (а также частушек, песен, хороводов) участвуют обычно обозначения сравнительно небольших географических объектов (в отличие от Ветлуги, которая протекает в трех областях России), ср. арх. *верховажская* ‘танец (какой?)’ [СРНГ, 4, 162], яросл. *брейтовская кадрили* ‘танец’ [ЯОС, 2, 23], арх. *верхнетоемка* ‘местная разновидность кадрили’ [СГРС, 2, 67], карел. *олонецкий* ‘групповой танец’ [СРНГ, 23, 190] и мн. др. [см. также примеры в: Березович, 2007, 180–181]. В случае с *ветлугаем вятским* происходит как бы двойная территориальная маркировка. Бассейн Ветлуги — зона достаточно обширная, и танец «локализуется», приобретает вторичную географическую отнесенность и приписывается вятчанам.

³⁶ Вид боронования зигзагом, который противопоставлялся боронованию вдоль и поперек поля.

³⁷ Выражение *вятский котел* развивает также метафорическое значение, в котором Вятка представляется своеобразным культурным котлом, нишей, где в отдалении от других традиций и под сильнейшим влиянием вятской культуры и вятского уклада жизни формируется личность. Ср. «“Вятский котел” с его богатейшим фольклором, провинциальной консервативностью, предполагающей медленное развитие и длительное следование традиции, породил не только особенный уклад жизни, но и самобытную архитектуру, искусство, формировал вятский характер, душу, отзывчивую на хорошо знакомое, родное, глубинное» [Мальшева].

* * *

В заключение обозначим черты языкового образа Вятки, которые были выявлены при анализе дериватов этого имени, фразеологизмов, а также текстов, включающих данный топоним и соответствующий катойконим. При построении образа следует обратить внимание на особенности отражения в нем точки зрения субъекта номинации, а также на то, какие черты попадают в ядерную и приядерную зоны, а какие оказываются на периферии.

Пространство и география Вятки осмысляются, в основном, с позиции надтерриториальной (жителей России в целом). Вятская губерния представляется глухим, провинциальным регионом, «пределом» России, ее столица — городок, расположенный в отдалении от Москвы, до которого сложно добраться. Наряду с Пермью Вятка воспринимается как «вотчина» Новгорода, что хранит историческую память о прошлом заселении Вятки новгородцами-ушкуйниками. Следует отметить, что в образе практически отсутствуют собственно «географические» черты. Пространство Вятки предстает неотделимым от ее жителей.

Аналогичным образом природа Вятского края рисуется языковым сознанием без диких животных и лесных растений: значимыми оказываются только полезные с хозяйственной точки зрения растения (выращиваемые на Вятке высокоурожайные сорта ржи и овса) и домашние животные — выносливые крепкие лошади, особой породы коровы и свиньи. Поскольку вятские зерновые и вятские породы скота достаточно популярны во всей России и даже за рубежом, вместе с самими реалиями «экспортируются» и их наименования. Соответственно, «культурная» флора и фауна Вятки подается с надтерриториальной, общекультурной позиции.

Материальная культура Вятки осмыляется в языке не очень детализированно. Затрагиваются лишь некоторые бытовые сферы, куда попадают отдельные «вятские» реалии: хозяйственный уклад, промыслы, пища, одежда, обувь). Мотивировка их наименований чаще всего связана с местом изготовления или распространения реалии. Переосмысления «вятскости» в данной тематической группе практически нет. Пристальное внимание на особенности хозяйственного уклада вятчан обращают их соседи (т. е. жители соседних регионов — Костромской, Вологодской, Пермской областей и др.). Они отмечают, что вятские используют необычный способ боронования земли, у них особого вида сохи и косы, отличные от тех, которыми пользуются сами костромичи и вологжане. При этом, по мнению жителей Костромской области, вятские косы — «неправильные» и неудобные. Вятской хозяйственной реалией повсеместно считается котел для вытапливания смолы. Соседи вятчан, костромичи, отмечают особую «рукодельность» вятских. Общероссийскую известность приобретают вятские народные промыслы: вятское кружево, вятские каповые изделия, вятская гармонь, вятская (дымковская) глиняная игрушка. Вятская одежда представляется соседям богатой: вятчане носят синие крашенные ко-

шули. Пища вятчан во «внешнем» осмыслении — это толокно, ярушники, рыжики; вятчане представляются любителями чая, кваса и пива.

Традиционным занятием вятчан, по мнению их соседей, является плетение лаптей и катание валенок. Действительно, вятские крестьяне нередко уходили в *зимогоры* на заработки (часто — в Пермский край), они ходили по деревням и выполняли разного рода «дорожные» рукодельные работы: плели лапти, подшивали валенки (похожим образом зарабатывали на жизнь ссыльные вятчане в Сибири). Отсюда и появление во «внешнем» образе Вятки вятских лаптей, которые плели ссыльные, и прозвища вятских *лапотники*.

Восприятие вятчан как бродячих работников, думается, могло стать толчком к развитию представлений о моральных качествах жителей Вятки (точка зрения «соседей», к которым ходили на заработки вятские): об их способности делать все «на авось», небрежно, неаккуратно.

В целом же в языковом сознании жителей соседних с Вяткой регионов прописывается фольклоризованный образ вятчан-переселенцев, сходный с образом пошехонцев. Жители Вятской губернии воспринимаются их соседями как типичные (даже анекдотические) провинциалы. Они неуклюжи, невнимательны, простодушны и глуповаты, делают все небрежно; одновременно, впрочем, они хитрецы и ловкачи. Последнее приписывается в первую очередь *хлыновцам*, а не *вятчанам* — значит, эти черты ментального образа сформировались в первую очередь под воздействием внутриязыковых факторов (т. е. в результате переосмысления внутренней формы имени *Хлынов*). Негативные характеристики вятчан, отмечаемые их соседями, не поддерживаются ни «внутренней», ни «внешней» (надтерриториальной) точкой зрения. Взгляд соседей оказывается наиболее критичным и вместе с тем детализированным (и это, наверное, универсальное свойство «соседского» мировосприятия, в котором отражается «внутренняя» борьба за территорию, за превосходство над теми, кто живет «по ту сторону» административных границ).

Прорабатывая образ вятчан, жители смежных территорий обращают внимание на их внешний облик. Вятский мужик представляется как типичный инородец: он подслеповат, рыжеволос, желтокож (или синекож). Важное место в структуре образа жителей Вятки занимают представления соседей о вятском наречии. Выделяются особенности фонетики и просодии (аканье, чоканье, речь «с ростягом» и др.), необычность лексики etc. «Вятчанином» могут называть любого переселенца, чьи речевые проявления специфичны (независимо от его происхождения). При этом черты речи вятчан осмысляются не только соседями, но и самими вятчанами: речь оказывается «авторефлексивным» свойством, актуализирующим «внутреннюю» точку зрения. Вятчане, с одной стороны, стремятся обозначить положение своего наречия относительно литературного языка и других диалектов, а с другой — провоцируют позицию «свой против своих», т. е. внутреннее дробление своего говора на более мелкие единицы.

Самоосмысление вятчан вообще оказывается весьма непростым. Собственно вятчанами считаются только жители территорий, исконно приписываемых Вятскому краю (Вятский, Орловский, Котельнический, Нолинский и Слободской уезды Вятской губернии). Жители же других районов противопоставляют себя вятским, при этом противопоставление развивается до такой степени, что обозначение *вятчане* может относиться не только к самим вятчанам в узком смысле слова, но и к любым «чужакам» (случай *слепоротой Вятки* и *вятской вороны*).

Народные представления о р е л и г и и вятчан связываются с легендарной историей об обретении иконы Николая Хлыновского и Хлыновской иконы Божьей Матери. На территориях, соседних с Вятской губернией, вятчане известны также благодаря традиционному крестному ходу с *вятскими иконами*: ход сопровождался чтением духовных стихов вятскими нищими. Отдельные детали образа Вятки, касающиеся вятской веры, поддерживаются извне, однако, безусловно, отрицаются изнутри — речь идет о долго существовавших языческих верованиях и обрядах (свистопляска на месте гибели устюжан) и о непризнанности, «самоставленничестве» вятских попов.

Говоря о структуре языкового образа Вятки, нельзя не отметить, что его доминанта, смысловой центр — представления о жителях региона, *вятчанах*. Все составные части этого образа тщательно прорисованы: в языке (причем именно в фактах ядерной зоны — лексических и фразеологических) отражены черты внешнего облика вятчан, особенности их речи, характера и поведения, даже представления о традиционной деятельности. При этом интересно, что, к примеру, непосредственные соседи вятчан — *костромичи* — не получают детально оформленного языкового представления. В этнолингвистической литературе описаны ситуации, когда какая-либо региональная группа получает особую маркировку на фоне других (ее представителям приписывается необычная речь, специфические занятия, манера поведения и др.). В частности, Т. А. Бернштам показала особенности восприятия соседями региональных групп Двинско-Важского ареала [Бернштам, 1995], Т. Б. Щепанская — костромской группы *чудца* [Щепанская, 2004]. Вятчане встают в ряд маркированных территориальных групп. В то же время вопрос о том, по каким критериям «отбирается» языковым сознанием та или иная группа населения, в настоящее время еще не кажется достаточно проясненным и требует дальнейшей исследовательской разработки.

С «человеческих» (прагматических) позиций оценивается и география региона (например, далекое расположение от Москвы не очень удобно), и его природа (в зоне внимания только полезные для хозяйства растения и животные). При этом «природно-географические» тематические линии разработаны достаточно слабо — в основном, в фактах приядерной и периферийной зоны; факты ядерной зоны — лексемы и фразеологизмы — содержат прямое воплощение признака «относящийся к Вятке», мотивированы местом производства, изготовления, выведения и т. п., практически не дают качественного развития семанти-

ки, переосмыслений. Постановка человека в центр образа региона, думается, отчасти объясняет преобладание «соседской» точки зрения в облике Вятки: с одной стороны, именно «соседи» имеют наибольшую мотивацию для осмысления облика вятчан; а с другой — они наиболее тесно соприкасаются с объектом осмысления.

-
- АКТЭ — антропонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- АОС — Архангельский областной словарь. М., 1980—. Вып. 1—.
- Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.
- Березович Е. Л. Топонимическая этносемантика // Славянское языкознание. XIII Междунар. съезд славистов. Любляна, 2003 г. Докл. российской делегации. М., 2003. С. 19–35.
- Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007.
- Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А. Сибирь в русской языковой традиции (на иноязычном фоне) // Пространство и время в языке и культуре. М., 2011. С. 110–157.
- Бернштам Т. А. Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 208–317.
- Бюро новостей «Давеча» — Образ Вятского Чудотворца едет в Москву // Бюро новостей «Давеча». 06.11.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://davecha.ru/news/religion/2008/11/06/133344.htm>.
- Воронцова Ю. Б. Коллективные прозвища в русских говорах : дис. на соиск. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
- Воронцова Ю. Б. Словарь коллективных прозвищ. М., 2011.
- Ганцовская Н. С. Особенности говоров Костромской области. Кострома, 1992.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб. ; М., 1880–1882 (1955). Т. 1–4.
- Зеленин Д. К. Великорусские народные присловья как материал для этнографии // Д. К. Зеленин. Избр. тр. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М., 1994а. С. 38–58.
- Зеленин Д. К. Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии (Этнографический и историко-литературный очерк) // Д. К. Зеленин. Избр. тр. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М., 1994б. С. 59–104.
- ИВК — История Вятского края в преданиях, легендах и песнях / сост., вст. ст., комм. А. А. Ивановой. М., 2006.
- Козлов В. Н. Теория пирогенетической обработки древесины [Электронный ресурс]. URL: http://refining.nglib.ru/book_view.jsp?idn=021512&page=11&format=free.
- Колесов В. Н. Русская диалектология. М., 1990.
- КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- Лютикова В. Д. Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000.
- Мальшева Т. Витязь на распутье взял путь на Голгофу: религиозная драма Виктора Васнецова // Бинокл: Вятский культурный журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://binokl-vyatka.narod.ru/B11/malysh.htm>.

- Мултановский И.* Народный говор про Вятскую страну // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 8 ноября 1903 г. № 132. С. 2.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/>.
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров. Киров, 1996—. Вып. 1—.
- Православный календарь. Дни празднования икон Божией Матери: 25 января [Электронный ресурс]. URL: <http://hram-vlad-butovo.ru/old/kalendar/01/25bm.html>.
- ПРН — Пословицы русского народа / сб. В. И. Даля : в 2 т. М., 1989.
- Производство смолы и скипидара // ДомРемСтрой.Ру [Электронный ресурс]. URL: <http://domremstroy.ru/da/rabota03.html>.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001—. Т. 1—.
- Снегирев И. М.* Русские народные пословицы и притчи. М., 1848.
- СПГ — Словарь пермских говоров. Пермь, 2000–2002. Вып. 1–2.
- СРГБ — Словарь русских говоров Башкирии. Уфа, 1992–1997. Вып. 1–5.
- СРГКП — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь, 2006.
- СРГНО — Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.
- СРГПриам — Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1999–2006. Т. 1–5.
- СРГСП — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Томск, 1992–1993. Т. 1–3.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. Свердловск, 1964–1987.
- СРГЮК — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1988.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М. ; Л., 1965—. Вып. 1—.
- ССГ — Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974–2005. Вып. 1–11.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М., 1948–1965.
- Судовиков М. С.* Династия Пастуховых и Вятский край // Герценка: Вятские записки. Вып. 2 [Электронный ресурс]. URL: http://www.herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number2&ELEMENT=dinastia_pastuhovih.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. СПб., 1996.
- ФСНГ — *Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.
- Хитрово — Отрывок из журнала, писанного в Вятке в 1811 г. Н. Хитрово // Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892.
- Щепанская Т. Б.* Чудца: параметры уникальности // Русский Север: Аспекты уникального в этнокультурной истории и народной традиции. СПб., 2004. С. 333–370.
- ЭКТЭ — картотека этнографических материалов Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978—. Т. 1—.
- ЯОС — Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–10.
- Dziennik Łódzki* : pismo przemysłowe, handlowe i literackie [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bc.wimbp.lodz.pl/Content/430>.
- Filatelia Filipinas — Filatelia Filipinas: Россия [Электронный ресурс]. URL: <http://sangdoocha.blogspot.com/2008/09/russia.html>.
- Konie i My — portal jezdziecki [Электронный ресурс]. URL: <http://szukaj.wp.plw.konie.biz>
- Slovník.sk — Rusko-slovenský slovník [Электронный ресурс]. URL: <http://slovník.azet.sk/rusko-slovensky>.

Рукопись поступила в редакцию 02.03.2011 г.